

родителей белорусских школьников позволяют сделать вывод о том, что включение в школьную программу курса о религиях в качестве обязательного вряд ли произведет положительный эффект.

Кроме того, следует учитывать, что включение религиозного компонента в систему образования требует обеспечения подготовки компетентных специалистов, которые смогут осуществлять вовлечение учащихся в процесс обучения, независимо от религиозной позиции, организовывать их взаимодействие и бесконфликтно решать спорные религиозные вопросы.

Список цитированных источников

1. Religion in Education: Contribution to Dialogue. Policy Recommendation of the REDCo Research Project [Electron. resource]. – Access Mode: <http://www.redco.uni-hamburg.de/web/3480/3481/index.html>. – Date of access: 5.08.2011.

2. Kuburic, Z. Religious Education: the Case of Serbia / Z. Kuburic, M. Vukomanovic // Sociologija. – 2005. – Volume: 47. Issue: 3. – Start page: 229. The same in: Academic Journals Database [Electronic resource]. – Access Mode: http://www.journaldatabase.org/articles/religious_education_case_serbia.html. – Date of access: 3.08.2011.

3. Отношение родителей к преподаванию в средних учебных заведениях курса «Основы религиозных культур и светской этики». – М.: Агентство социальных технологий «Политех», 2010. – 44 с.

4. Отношение старшеклассников и родителей школьников г. Минска к перспективе изучения факультативного курса о религии / религиях: Отчет о результатах социологического исследования / Е.В. Шкурова, С.Г. Карасева, А.А. Белов. – Минск: Четыре четверти, 2011. – 92 с.

ПОНИМАНИЕ ЛОГИКОМ СПЕЦИФИКИ ФЕНОМЕНА МОЛЧАНИЯ В ПРАВОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Е.Ю. Щербина

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Общение в современном обществе является важнейшей функцией, оно пронизывает все сферы человеческой деятельности. Информация, которая получается, перерабатывается, передается в процессе коммуникации, может быть эффективной благодаря соответствующим образом организованной аргументации. В этой связи представляются актуальными исследования, в которых акцентируется внимание на различных стратегиях аргументации. Наряду с наиболее общими, универсальными принципами и правилами, из которых складывается стратегия аргументации, существует множество разновидностей полемических ситуаций, в каждой из которых используются свои специфические приемы, составляющие тактику аргументации, в том числе и такой ее разновидности, как юридическая аргументация. Последняя может быть представлена как диалог-убеждение.

В этой связи можно говорить о применении молчания как аргумента в правовой аргументации, а также, в этом контексте, рассмотрения указанного феномена как способа совершения обмана.

Целью данной статьи является рассмотрение роли феномена молчания в правовой аргументации.

Поскольку в последнее время теория аргументации возрождается как методология убеждения, большое внимание в научных исследованиях уделяется анализу разных видов аргументов. Аргументы, которые используют в спорах, разделяют на аргументы по существу вопроса (*ad rem*) и аргументы от человека (*ad hominem*). В некоторых ситуациях аргументы *ad hominem* могут отображать суть дела, а в других явно используются с целью дискредитации противника.

Одним из аргументов, которые могут выступать и как приемы манипулирования, и как аргументы, по сути есть молчание. Эристика рассматривает акт молчания как один из невербальных приемов манипулирования в спорах. В правовой аргументации акт молчания может быть представлен и как прием манипулирования, и как аргумент по сути.

В современной научной литературе феномен молчания рассматривается в его разнообразных аспектах. Молчание относят к одному из видов языковой деятельности, а именно к недеятельности, или к конкретным формам поведения, а именно к недействию и к противодействию. По отношению к речи о молчании говорят «только на фоне коммуникации, то есть тогда, когда в принципе возможно языковое общение – реальное или виртуальное» [1. – С. 109].

В научных исследованиях встречается много классификаций молчания, однако к этому времени недостаточно изученным остается такой его аспект, как возможность быть элементом сознательной стратегии и тактики поведения, что свойственно для многих, в том числе и правовых, контекстов.

Обращаясь к области правовой аргументации, хотелось бы отметить специфичность понимания и применения в ней акта молчания. Молчание здесь может быть представлено и как прием манипулирования в споре, и как аргумент (речь идет об аргументах *ad rem*). Оно в таком понимании несет в себе мощный охранный потенциал, оберегая от разрушительных последствий неуместного или несвоевременно употребленного слова. Как прием манипулирования в споре, молчание в правовой аргументации может быть как «молчанием сдержанности» (например, одной из сторон в процессе судебного спора), так и «молчанием мужества» (например, отказ от дачи показаний, чтобы не «подставить» кого-то другого).

Молчание как аргумент по сути дела в правовой аргументации выступает как запрещение на коммуникацию, определенное международными нормами. Право не давать показания или объяснение относительно себя – это, в первую очередь, право обвиняемого хранить молчание. Пятая поправка к Конституции США провозглашает, что никого нельзя заставить по любому уголовному делу свидетельствовать против самого себя. Право на молчание и его составная часть – право не давать показания против самого себя – общепринятые международные нормы, являющиеся основанием понятия справедливой процедуры, о которой говорит статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Право обвиняемого на молчание, право не свидетельствовать против себя, членов семьи или близких родственников установлены Конституцией Украины (статья 63), а следовательно, и в нормах УПК Украины (статье 43, 43-1). Право хранить молчание тесно связано с презумпцией невиновности, то есть оно создает юридическое препятствие для отношения обвинительной власти к обвиняемому лицу как к лицу, которое виновно в совершении преступления (ведь принуждение обвиняемого к саморазоблачению выражает предубеждение обвинительных органов в виновности этого лица). В доказательном праве только в одном случае совпадают категории «привилегия от самообвинения» и «иммунитет свидетеля», а именно при отказе от свидетельств против самого себя.

В пользу мысли о том, что молчание в правовой аргументации может рассматриваться как аргумент по сути дела, приведем данные, которые содержатся в гражданском кодексе Украины. В части третьей статьи 205 «Форма сделки. Способы волеизъявления» Гражданского кодекса Украины определено: «В случаях, установленных договором или законом, воля стороны к совершению сделки может выражаться ее молчанием» [2].

Таким образом, проблема интерпретации молчания как аргумента в правовой аргументации, с нашей точки зрения, должна основываться на его понимании и применении как приема манипулирования с одной стороны, и как аргумента по сути – с другой.

Молчание как коммуникативная стратегия в диалоге всегда имеет смысл, который актуализируется в конкретном контексте. Оно может иметь различные намерения. Рассмотрим молчание в связи с феноменом обмана в правовой аргументации.

Не затрагивая дискуссионность вопроса о содержании понятий лжи, вранья, обмана, неправды, а также анализа различий между категориями лжи в логике и лжи (вранья) в теории аргументации, будем исходить из того, что понимаем обман не как синоним лжи, а как ее разновидность. Категория «ложь» – более широкое понятие, чем обман. С юридической точки зрения она содержит в себе три обязательных признака: искажение истины, преднамеренность фальсификации, введение другого лица в заблуждение. Ложь может использоваться без намерения склонить другое лицо к совершению определенного действия или воздержаться от него в интересах лжеца. Обязательное наличие такого намерения превращает ложь в обман. Не любая ложь является обманом, однако любой обман является ложью и необходимо содержит в себе все признаки лжи. Итак, с юридической точки зрения обман – это такая ложь, которая обязательно направлена на склонение другого лица к совершению / не совершению действия, которое выгодно для лжеца.

Поскольку аргументативная ложь является диалогическим феноменом, то она имеет коммуникативно-когнитивную природу. Как пишет И.В. Хоменко, именно ложь как интеракция, которая сознательно (намеренно) направлена на формирование у собеседника искаженной картины мира, является предметом исследования в теории аргументации [3. § С. 114]. Речь идет о том, что в процессе общения каждый из участников коммуникации имеет собственное представление о предмете обсуждения, собственную картину мира. Когда у коммуникантов совпадают представления о предмете обсуждения, тогда можно говорить о наличии значительного рычага для успешного общения. Но коммуникантам надо учитывать и адекватность описания действительности, и адекватность ее понимание.

В правовой аргументации, которая является практическим воплощением исследований в теории аргументации, анализ лжи предполагает рассмотрение положений дел в картинах мира, которые сформированы у участников коммуникации. Здесь важно не только то, что из сознательного нарушения нормы адекватности одним из коммуникантов следует формирование искаженной картины мира у другого участника, но и то, что это побуждает последнего к совершению / не совершению конкретных действий в интересах первого. Под обманом в правовой аргументации будет пониматься интеракция, сознательно (умышленно) направленная на формирование у собеседника искаженной картины мира с целью побуждения последнего к совершению или не совершению конкретных действий в интересах обманщика.

В юридической аргументации можно выделить такие разновидности обмана в скрытом виде, как обман с использованием полуправды и молчаливый обман. В случае обмана с использованием полуправды речь идет об умышленном замалчивании субъектом аргументации части информации о каких-либо фактах или обстоятельствах, о которых сообщить адресату было необходимо, направленные на введение его (адресата) в заблуждение или на поддержку ошибки адресата с целью побудить его по собственной воле совершить или не совершить конкретные действия в интересах обманщика (субъекта).

Примером такого обмана может быть сознательное замалчивание части значимой информации при заключении соглашения одной из сторон, которая намерена получить из этого для себя выгоду, направленное на создание неправильного, ошибочного представления об истинном положении вещей другой стороной.

Молчаливый обман в юридической аргументации может быть определен как сознательное замалчивание (сокрытие) субъектом всей информации по поводу опреде-

ленных фактов, обстоятельств, событий прошлого, настоящего или будущего времени с целью исказить картину мира адресата и побудить его по собственной воле совершить или не совершить конкретные действия в интересах субъекта.

Примером молчаливого обмана могут быть такие обманные действия одной из сторон при заключении сделки, которые выражаются в бездействии, а именно, в умышленном сокрытии фактов, знание которых может препятствовать заключению сделки. Отсутствие таких знаний об указанных фактах повлияло на волеизъявление другой стороны в процессе заключения сделки.

Анализируя виды обмана в правовой аргументации, попытаемся дать когнитивное описание молчаливого обмана и обмана с использованием полуправды, отталкиваясь от когнитивных схем разновидностей аргументативной лжи, представленных И.В. Хоменко [Там же. – С. 118].

Будем исходить из того, что компоненты обмана в юридической аргументации, как интеракции, такие же, как и компоненты лжи, как интеракции. Ими являются: речевое действие, когнитивное состояние субъекта, когнитивное состояние адресата, аргументативная цель субъекта.

Когнитивно-пропозициональный подход не исключает возможности формализации «молчаливых интеракций». С формальной точки зрения разницы между «разговорной» и «молчаливой» интеракцией нет.

Если умолчание (полное сокрытие) информации обозначить когнитивным оператором НЕ СООБЩАЕТ, тогда, исходя именно из указанных компонентов лжи как интеракции, когнитивная схема молчаливой лжи может иметь следующий вид:

Не сообщает ($x; y, A$) \square Знает (x, A) \square Не знает (y, A) \square Имеет намерение (x , Думал ($y, \sim A$)).

В случае молчаливого обмана в юридической аргументации введение в заблуждение конкретного лица побуждает его осуществить действие (бездействие) в интересах обманщика. Именно эта характеристика обмана при рассмотрении его как интеракции, должна учитываться при формулировании аргументативной цели субъекта и ее выражении. Это касается всех видов обмана в юридической аргументации. Скрытый обман не является исключением.

Разновидности скрытого обмана в правовой аргументации, рассмотренные в этой статье, а именно обман с использованием полуправды и молчаливый обман, могут быть представлены в такой таблице:

Составляющие когнитивного описания	Обман с использованием полуправды	Молчаливый обман
Речевое действие	Сообщает (x, y, Γ)	Не сообщает (x, y, A)
Когнитивное состояние субъекта	Знает (x , Следует (Γ, B))	Знает (x, A)
Когнитивное состояние адресата	Не знает (y , Следует (Γ, B))	Не знает (y, A)
Аргументативная цель субъекта	Имеет намерение (x , Думал (y , Следует (Γ, C)) \square (Совершил (y) \square Не совершил (y))	Имеет намерение (x , Думал ($y, \sim A$) \square (Совершил (y) \square Не совершил (y))

В случае молчаливого обмана и молчаливой лжи в юридической аргументации смысл «не сообщает» не совпадает с содержанием «не говорит». В рассматриваемом аспекте «не сообщает» означает воздержание от сообщения. Речь идет о понимании воздержания как образа поведения. Это то, за что агент может быть ответственным [4. – С. 258]. «Не сообщение» в таком случае означает неделание того, что ожидается или должно быть сделано в соответствии с долгом.

Таким образом, исследование феномена молчания в правовой аргументации позволило прийти к таким выводам.

1. В правовой аргументации интерпретация молчания как аргумента в правовой аргументации должна основываться на его понимании и применении как приема манипулирования, с одной стороны, и как аргумента по сути – с другой.

2. Гражданин может молчать из-за незнания истинной информации; однако он может замалчивать собственную вину или вину членов семьи, близких родственников, то есть лгать путем молчания. В таком случае, молчание как разновидность лжи в правовой аргументации, выполняя аргументативную функцию, выступает способом защиты личных интересов граждан. Хотя такое молчание и является умышленным, оно в правовой аргументации не считается обманом, исходя из действующих норм международного права, Украина здесь не является исключением.

3. В правовой аргументации молчание как разновидность обмана в скрытом виде может быть обманом с помощью полуправды и обманом с помощью полного замалчивания истинной информации, т.е. молчаливым обманом. В связи с этим, в правовой аргументации молчание, с одной стороны, как разновидность обмана может выступать способом совершения правонарушения, с другой – молчание как разновидность лжи и как доказательство невиновности может выступать способом защиты прав граждан.

Список цитированных источников

1. Арутюнова, Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий / Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1994. – С. 106–117.

2. Цивільний кодекс України: Документ 435-15, чинний, поточна редакція – Редакція від 19.01.2013, підстава 5495-17 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

3. Хоменко, И.В. Ложь как аргументативный феномен // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – С. 110–119.

4. Вригт, Г.Х. Логико-философские исследования: Избр. тр.; пер с англ. / Общ. ред. Г.И. Рузавина и В.И. Смирнова. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.

КАТЕДЕР-СОЦИАЛИСТЫ И «СОЮЗ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Д.Д. Эйдукене

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Уже в первые годы Германской империи (начало девятого десятилетия XIX в.) значительная группа профессоров и преподавателей университетов, чувствуя, что «чисто политические вопросы уходят на второй план», а «вопросы материального благополучия и социальной справедливости становятся особенно актуальными [3, с. 22, 24], а забастовки рабочих и растущее рабочее движение помогают «призраку марксизма» приобрести реальные контуры, поднимают вопрос о решении социального (или рабочего) вопроса. Это представителям академических кругов Германии казалось очень актуальным государственным делом, потому что «от того, как в ближайшем будущем будут складываться социальные отношения, зависят перспективы только что созданной Германской империи [7, с. 91]. По их мнению, эту проблему не могут решить ни манчестеры, ни социалисты. Только государство, будучи непартийной силой, посредством перманентных реформ может решить социальный вопрос; только оно, стоя над эгоистичными интересами классов, выпуская законы и руководствуясь справедливостью, может защитить экономически слабых и способствовать их подъему низших классов. Упомянутым преподавателям-экономистам первые годы Германской империи казались особенно благоприятными для провозглашения социальной реформы. С одной стороны, поразительные успехи прусского оружия, свойственным ему образом